

Тринадцать лет пути

1

Сто шесть лет назад корабль «Антей» покинул Землю.

И как ни велика его скорость, как ни ничтожно сопротивление космического вакуума гигантской пуле, траектория полета которой соединяет уже неразличимую даже в самый мощный телескоп Землю и Альфу Лебеда, путь займет в общей сложности сто девятнадцать земных лет.

Сто шесть лет миновало на Земле с того дня, как семьдесят шесть космонавтов, в последний раз взглянув на голубое небо, на пух облаков и зелень деревьев, вошли в планетарные катера, и те взмыли вверх, где на высоте полутора тысяч километров, на постоянной орбите их ждал «Антей».

Подлетая, они могли оглядеть этот дом издали. Одному космический корабль казался неуклюжим насекомым, другому напоминал сломанную детскую игрушку. «Антею» никогда не придется снижаться на Землю или на другую планету. Ему суждено было родиться в космосе, где его собрали, и умереть там. Поэтому конструкторы создавали его без оглядки на

сопротивление среды. Непривычному глазу он представлялся нелогичным совмещением колец, труб, шаров, антенн и кубов.

Пока корабль набирал скорость, – а разгон его занял месяцы, – экипаж «Антея» мог видеть Землю. Сначала она занимала половину неба, но постепенно превращалась в тускнеющую точку среди миллионов подобных ей и более ярких точек...

Так начался путь. Прошло сто шесть лет.

Еще через тринадцать лет «Антей» достигнет цели.

2

Павлыш миновал двадцать четвертый резервный коридор и остановился перед дверью в оранжерею. Оранжерея была заброшена лет пятьдесят назад, и, кроме механиков, сюда никто не заходил.

Дверь сдвинулась не сразу. Словно ее механизм забыл, как открываться.

Когда Станцо рассказывал о заброшенной оранжерее, Павлыш представлял, что увидит пышные джунгли, заросли лиан и странные цветы, свисающие с крон.

Оранжерея была тайной, открытием. Путешествие к ней – более часа ходьбы по пустым коридорам и залам корабля – подготавливало к тайне.

Путь оказался обыденным.

Где-то на полдороге он встретил робота-уборщика, а в шаре «Д» попал в область использованных складов – они были слабо освещены, пустые коробки и контейнеры громоздились в гулких залах.

Здесь царило запустение. Краска стен, теоретически вечная, поблекла, листы пластиковой обшивки кое-где отстали. Пахло теплой пылью.

Павлыш никак не мог отделаться от ощущения, что пустота следит за ним. Что у нее есть глаза.

Корабль был населен памятью.

Он был самым старым кораблем Земли. Ему было более века.

За эти годы на Земле изобрели новые сплавы и источники освещения, даже коробки и контейнеры были бы иными, если бы «Антей» отправился в путь на сто лет позже. Все было бы

ИНЫМ.

Корабль был не дряхлым, но очень старым. Он был рассчитан на то, что проведет в космосе многие десятилетия. И все равно состарился.

И постепенно пустел.

Один за другим освобождались его склады, закрывались дальние помещения и коридоры – в них уже не было нужды. В тот день, когда Павлыш отправился разыскивать заброшенную оранжерею, на борту было вдвое меньше людей, чем сто шесть лет назад. Жилая, действующая часть корабля с каждым годом съеживалась. Так пустеющую деревню осаждают лес, занимая уже ненужные поля и покосы.

Павлыш открыл дверь в оранжерею и был разочарован, потому что никаких буйных джунглей там не оказалось.

Длинные сухие грядки.

Среди высохших стеблей – колючие кусты. Бурая трава у ног, плети выродившегося гороха ползут по стенам, кое-где на пыльных лабораторных столах остались колбы и пробирки – много лет назад кто-то ставил здесь опыты. Теперь же хватает оранжереи в шаре «В».

Стебли зашуршали, вздрогнули.

Что-то серое метнулось в дальний конец оранжереи. Павлыш отпрынул назад. Никого не могло быть на корабле. Никого лишнего.

Он отскочил за дверь и нажал кнопку. Сначала надо изолировать помещение. Затем вызвать помощь. Все, что неизвестно, непонятно, – может быть опасно. Не только для Павлыша – для всего корабля.

Дверь нехотя задвинулась. Павлыш стоял один в очень тихом коридоре. Ровно светился потолок.

Он был на корабле, куда ничто не могло проникнуть снаружи.

Тому, что он видел, должно быть реальное объяснение.

Хорош он будет, если прибежит к Станцо и скажет, будто видел что-то в заброшенной оранжерее. А что? Что-то.

Тогда Павлыш снова открыл дверь.

Закрыл ее за собой. Чтобы это Непонятное не смогло выбраться наружу. Затем осторожно пошел вперед.

Он старался не наступать на грядки. Керамические плитки пола похрустывали под ногами. Некоторые легко выпадали. В оранжерее стоял неприятный тухлый запах.

В двух шагах от того места, откуда выскочило нечто, Павлыш замер.

Метрах в десяти была округлая стена – конец оранжереи.

И тогда он увидел.

Там, в сплетении ветвей, сидели две серые кошки.

Они смотрели на него в упор, разумно и настороженно. В полумраке – здесь освещение было куда слабее, чем у входа, – их глаза горели желтым злым огнем.

– Еще чего не хватало, – сказал Павлыш вслух. Надо было догадаться с самого начала.

Когда-то кто-то решил, что на «Антее» нужны животные. Домашние. Такие, что не будут много есть, но скрасят одиночество людей.

И на корабле появилась кошачья семья.

И хоть за ней следили, старались

контролировать численность этого племени, уже не в первый раз в отдаленных уголках корабля обнаруживались нелегальные, неучтенные кошки.

Кошкам надо чем-то питаться. Значит, они освоили вентиляционные ходы, и оранжерея не была так изолирована, как казалось.

– Живите, – разрешил кошкам Павлыш.

Он нагнулся, вытащил из земли бледный, почти белый стебелек.

Какая-то жизнь все же теплилась. Надо будет сказать Христе, пускай сюда заглянет.

Больше никаких привидений в оранжерее не было.

Привидения – часть корабельного фольклора. За сто с лишним лет на корабле обязательно должен возникнуть фольклор.

В глубине души Павлышу хотелось увидеть привидение. Это не означает, что он верил в подобную чепуху. Но когда корабль так стар и бесконечен, должно же в нем таиться что-нибудь необыкновенное.

Павлышу не хотелось возвращаться в жилую часть корабля.

Там сразу найдутся дела. А когда еще удастся повторить это неспешное путешествие?

Павлыш пошел от оранжереи к соединительному туннелю, по которому можно выйти во Внешний сад. И через него уж вернуться обратно.

По дороге он заглянул в бывшую библиотеку. Когда-то часть жилых кают находилась в этом секторе корабля, и филиал библиотеки размещался поблизости от них.

В библиотеке стоял другой запах – запах пленки. Ячейки для микрофильмов и видеолент были раскрыты. В некоторых остались ленты.

Павлыш знал – почему. Когда библиотеку перевозили, те кассеты, что дублировались в главной, брать не стали.

Павлыш понимал, что и здесь его не ждут открытия, но все же потратил несколько минут, читая надписи на кассетах.

И не зря.

В одном из ящичков он нашел восьмую,

шестнадцатую и двадцатую серии «Подводного мира», которых в главной библиотеке не было.

Потом отыскал несколько кассет без этикеток. Их он тоже захватил с собой.

Минут через двадцать он достиг соединительного туннеля и остановился перед лифтом.

Здесь было светлее, сюда иногда заходили.

Лифт поднял Павлыша на несколько ярусов вверх, что было условным понятием, так как низ – всегда центр корабля, верх – его внешние помещения. Гравитационное поле, создаваемое двигателями, таилось в центральном шаре.

Зал отдыха перед входом во Внешний сад тоже был пуст.

В бассейне голубоватым зеркалом застыла вода. Настолько ровная и неподвижная, что Павлышу захотелось нарушить эту неподвижность. Он сунул руку в карман. В карманах у Павлыша всегда есть что-нибудь лишнее. Пальцы нащупали металлический шарик. Павлыш швырнул его в бассейн. Зеркало вздрогнуло, плеснуло столбиком воды и разбежалось кругами, облизывая борта бассейна.

Вот так-то лучше.

Низкие мягкие диваны скобками тянулись вокруг бассейна. Павлыш с размаху прыгнул на диван, неудобно сел на сумку с кассетами, что тащил из библиотеки. Диван ожил, стараясь примериться к телу Павлыша.

Павлыш представил, что он на «Наутилусе». В нем, где-то в недрах, живет последний его обитатель, старый капитан Немо.

А может быть, это «Мария Целеста»? Неожиданная беда обрушилась на шхуну. Почему-то все покинули корабль, все до последнего человека. И кастрюля на плите еще теплая.

Нет, он на необитаемом острове. Вот он, темный лес, за стеклянной стеной. Высоко справа в стене серый круг. Заплата.

Когда Павлыша еще не было на свете, во Внешний сад «Антея» угодил метеорит. Это бывает с кораблями. Хоть над метеоритной защитой «Антея» думали лучшие умы Земли – ни одна крошка материи не должна была дотронуться до корабля: слишком высока цена, – все же шестьдесят лет назад «Антей» попал в мощный метеоритный поток. Настолько мощный, что один из камней достиг корабля.

Метеорит пронзил внешнюю прозрачную тонкую стенку сада.

Затем пробил вторую стенку, отделяющую сад от Зала отдыха.

Затем миновал еще три перегородки и вылетел наружу.

Происшествие стоило жизни двум космонавтам, которые в тот момент были в Зале отдыха. Павлышу рассказывали, что они играли в шахматы.

И Внешний сад погиб. Он погиб так быстро, что не успел измениться.

Павлыш подошел к стеклянной стене.

Когда-то сад любовно собирали, создавали на Земле как то место, где космонавты в невероятной дали от дома могут ощутить и летнюю ночь, и запахи земного леса.

Под прозрачным высоким куполом толпились березы и ели, кусты роз и орешника, а дальше, где поддерживалась температура повыше, возвышались пальмы.

После ремонта тогдашний капитан «Антея» решил не подключать сад к системе отопления.

Иначе бы, отогревшись, деревья и кусты сгнили. А так они остались стоять замерзшими памятниками деревьям и цветам. Если не знаешь, что случилось здесь шестьдесят лет назад, может показаться, что за стеклом начинается настоящий лес.

4

И Павлыш представил себе бесконечный ночной лес. Теплый влажный воздух, в котором покачиваются пряные тяжелые запахи, где шуршание падающих листьев так же осторожно и почти беззвучно, как шаги волка. Лишь иногда треснет сухой сук или смело ступит на груды валежника ничего не боящийся медведь.

Громкий плеск, удар, почти грохот обрушился на тишину зала.

Взрыв?

Павлыш резко всем телом обернулся, прижавшись при этом спиной к прозрачной стене. Сила тяжести на корабле мала, вдвое меньше земной, и оттого даже самые резкие движения замедленнее. Мозг уже закончил поворот тела, а оно все еще не может остановиться.

Брызги воды вылетели на пол зала.

Длинная зеленая тень, словно тень крупной рыбы, скользила под взбаламученной голубой водой.

Коротко остриженная девичья голова пробила воду, девушка раскрыла глаза, смахнула рукой воду с ресниц.

– Испугались? – крикнула она. – Я нарочно тихо разделась и потом – как прыгну!

Павлышу стало неловко, что девушка могла увидеть его испуг. Но нет, когда он обернулся, она была еще под водой.

Девушка перевернулась на спину. На ней был зеленый купальник.

Вода в бассейне успокаивалась медленно и солидно, словно бассейн был наполнен маслом.

– Вода здесь удивительная! – сказала девушка.
– Я каждый день купаюсь. Вы не пробовали?

– Еще нет.

Он не видел эту девушку раньше. Вчера был такой сумасшедший день. А сегодня он отправился в путешествие по кораблю.

Девушка подплыла к бортику.

– Я тоже иногда прихожу сюда специально, чтобы поглядеть на этот лес. Но я всегда знаю, что он мертвый. Видно, у меня плохо развито воображение.

Павлыш вернулся к диванам и сел.

– Я вас вчера не видел.

– Когда вы прилетели, я была на вахте. Меня зовут Гражиной.

– Я кошек видел. В пустой оранжерее.

– Вот где никогда не была, – сказала Гражина.
– Я не романтик.

В голосе ее прозвучала снисходительность к новичку.

Девушка снова нырнула, быстрее, чем Павлыш успел придумать достойный ситуации ответ.

Когда она вновь появилась на поверхности, Павлыш спросил:

– Вы биолог?

– Гравитация, – ответила Гражина.

– А как вас называть, если коротко?

– Гражина мне нравится, – сказала она. – Короче не надо.

– Длинно.

– Ничего, не успеете утомиться. Я завтра улетаю.

Гражина подплыла вновь к бортику. Павлыш увидел, какие у нее длинные пальцы. Просто удивительные длинные пальцы. А ногти обрезаны коротко.

На щеке, под левым глазом, тонкий шрам. Губы мягкие и подвижные. Уголки их все время вздрагивают.

Глаза Павлыша выхватывали детали лица, фигуры – кусочки мозаики строились в портрет, который, если бы они остались на корабле еще надолго, не имел бы почти ничего общего с первым впечатлением.

– Этот год, – сказала Гражина, – пролетел мгновенно. Честное слово. Где-то в середине стало тоскливо – все-таки мы очень оторваны. А сейчас – вы не представляете, как не хочется улетать.

– А если бы вам предложили – оставайтесь еще на срок?

– Нет, не осталась бы, – ответила Гражина.

Тут Павлыш понял, что у нее зеленые глаза. Темные мокрые ресницы затеняли их, и потому они сначала показались Павлышу куда темнее.

– Жаль, – сказал Павлыш. – Чем больше народу, тем интереснее.

– И без меня достаточно, – возразила Гражина. – Сколько в вашей смене?

– Тридцать два.

– В нашей было тридцать шесть. Но мне не повезло.

– Ага, – Павлыш сразу сообразил, что она имела в виду.

Еще тринадцать лет «Антею» лететь до звезды. Еще тринадцать смен. Тринадцатая будет самой счастливой. Именно тем космонавтам будет суждено спуститься на планету, завершить труд тысяч людей и полутора лет.

– Ничего, – сказал Павлыш. – Мы с вами будем еще не очень старыми. Мы там обязательно побываем.

– Там нам нечего делать, – сказала Гражина. –

На планете нужны совсем другие специалисты.

– Почему? Двигатели будут нужны. И кабины будут нужны.

– Вы кабинщик?

– Медик-кабинщик.

– Редкое сочетание. Какой курс?

– Четвертый. А вы?

Гражина вылезла из воды.

– Дайте полотенце, – сказала она.

Полотенце лежало рядом с Павлышом.

Тот быстро поднялся, протянул полотенце. Она начала вытирать волосы, и Павлыш понял, что глаза у нее не просто зеленые, а очень зеленые.

– Я уже старуха. Я в аспирантуре. Мне двадцать три года.

– Ну и что? Разница в три года. Несущественно, – ответил Павлыш.

Гражина засмеялась. Она так сильно смеялась, что руки с полотенцем опустились, и Павлыш

увидел, как изменилось ее лицо. Мокрые волосы, что прижимались к голове, сейчас, подсушенные полотенцем, превратились в пышную гриву. И лицо стало меньше. Только глаза не уменьшились.

Она бросила полотенце на диван, взяла оттуда халатик, накинула его, сунула ноги в туфли.

– К обеду не опаздывайте! – сказала она. – Сегодня прощальный обед.

– Ну что вы!

– Не забудьте сумку. Что там у вас?

Гражина была бесцеремонна, но Павлыш не обижался.

Ее бесцеремонность была личной связью между ними.

Только человек, который тебе не чужой, может спросить, что у тебя в сумке.

– Я был в пустой библиотеке, – признался Павлыш, – и взял там кассеты.

– Я тоже раньше туда ходила. Все наши ходили. Я подозреваю, что когда-то там нарочно оставили массу интересных кассет, чтобы

устроить нам дополнительное приключение. Что вы взяли?

Павлыш пожалел, что не взял ни одной книги Достоевского или Маркеса.

– Так, – сказал он, – приключения.

– «Звездный рейс»?

– «Подводный мир». Я пропустил несколько серий.

– Не смущайтесь, курсант. Я не спросила, как вас зовут.

– Слава. Слава Павлыш.

– Вот видите, Гражина вам не нравится, а Слава мне нравится. Так вот, Славик, я должна вам признаться, что сама еще два месяца назад вытащила из той библиотеки третью и четвертую серии «Подводного мира», несмотря на мой почтенный возраст и солидность.

– Вы не производите солидного впечатления.

– Я стараюсь.

Они спустились на лифте к центральному шару, потом Гражина побежала к себе в каюту переодеваться.

Павлыш прошел к кабинам.

Обычный корабль имеет два центра: пульт управления и двигательный отсек.

На «Антее» было три центра. Помимо двух обычных там были «кабины».

В обыденности этого слова была извечная попытка причастных к грандиозному делу снизить пафос причастности.

В космическом институте, который имел счастье заканчивать Павлыш, шла давнишняя и безнадежная война между профессорами, для которых уважение к правильной терминологии означало уважение к предмету изучения, и курсантами, которые даже на экзаменах не могли одолеть простых слов «телепортационные ретрансляторы».

К таким курсантам относился и Павлыш, который был хорошим, в меру старательным и в меру способным студентом, достаточно хорошим, чтобы попасть на «Антей» – предмет мечтаний многих поколений студентов.

По законам изящной словесности автор, дабы не привлекать к себе внимания читателей, должен на этом этапе рассказа заставить своего героя – Павлыша – по пути к «кабинам» продумать все, что положено знать читателю.

К сожалению, в данный момент ничто на свете не могло бы заставить Павлыша думать о проблемах, истории и перспективах телепортации, так как он с каждым шагом все больше проваливался в сладкую пропасть влюбленности, притом влюбленности, обреченной на разлуку, что всегда усиливает чувство.

За невозможностью использовать монолог Павлыша, автор вынужден сам поведать о предмете беседы.

К сожалению, для физиков и пилотов даже к двадцать третьему веку путешествие со скоростью большей, чем скорость света, оказалось прерогативой фантастов. Прыжки сквозь изогнутое пространство и подобные изобретения мечтателей пока не стали реальностью. Законы природы обмануть не удалось. Следовательно, за освоением планет Солнечной системы наступила пауза, которая грозила затянуться навечно. Звезды были недостижимы, так как путь к ним требовал сотен лет полета. Технически возможно было

построить корабли, которые выдержали бы столь долгое путешествие, но нельзя было придумать бессмертного человека. Разумеется, мечта о выходе к звездам, к иным цивилизациям, существование которых оставалось лишь теоретическим допущением, продолжала беречь воображение. Проекты, разработанные мечтателями еще в двадцатом веке, рассматривались и обсчитывались, но не осуществлялись. Можно было построить гигантский корабль, снабдить всем необходимым, чтобы экипаж существовал в нем многие десятилетия. Чтобы космонавты рождались, росли, учились и умирали на борту корабля. Сто, двести, триста лет в пути...

Добровольцам, идущим на это, предлагалась пожизненная тюрьма, причем тюрьма, доведенная до абсурда – тюрьма не только для них самих, но и для их детей и внуков. К тому же можно было вычислить, что в подобном путешествии экипаж, как бы ни был к этому подготовлен и готов жертвовать собой и своим потомством, неизбежно деградирует, как деградирует любое человеческое сообщество, оторванное от остального человечества. Цель не оправдывала жертв.

Теоретически и даже практически был возможен и другой вариант. После отлета с Земли экипаж корабля погружался в анабиоз, из

которого выходил к моменту высадки у дальней звезды. То же делалось и на обратном пути.

Таким образом тюрьма оставалась тюрьмой, однако заключенному давали возможность проспать бесконечно длинный срок и даже выйти на свободу.

Но жертвы, которые приносил экипаж, все равно оставались слишком большими. Ведь космонавты должны возвратиться домой через триста лет. То есть они никогда не увидят Землю такой, какой она была при их жизни, никогда не смогут по-настоящему найти своего места в этом мире, как не смог бы найти его современник Ньютона или Наполеона.

Но открытие телепортации, которое произошло, когда люди научились пользоваться гравитационными законами, изменило ситуацию и позволило вернуться к этой проблеме.

Сначала смогли передать грамм вещества на расстояние в десять сантиметров. Затем белая мышь – вечный мученик научного прогресса – была разложена на атомы и собрана вновь в соседнем городе, после чего она облизнулась и принялась глотать кусочек сахара. Наконец 4 августа 2198 года Бисер Симонян вошел в кабину телепортационного центра в Пловдиве и вышел – живой и здоровый – из такой же кабины в

Бомбее.

Так как в телепортации используются гравитационные волны, распространяющиеся буквально мгновенно, ограничения в переброске объектов обуславливались лишь энергетическими мощностями и максимальной емкостью кабины.

В течение пятидесяти ближайших лет кабины были установлены по всей Земле и на планетах Солнечной системы. Космические корабли, разумеется, остались, так как на их долю выпали перевозки крупных грузов, руд, сырья. Кабины не только невелики. Они так и не стали и вряд ли станут дешевым удовольствием.

Кабины открыли путь к межзвездным путешествиям. Если отправить в бесконечно длинный полет космический корабль, но снабдить его при этом кабиной для телепортации, то экипажу нет нужды оставаться на борту сто лет. Через определенный срок экипаж можно сменить.

Так появился «Антей».

Первый его экипаж после года работы вернулся на Землю, уступив место другим космонавтам. Причем в течение того же года кабины несколько раз вступали в действие. На

корабль прилетала комиссия из ООН, дважды вывозили больных, к тому же туда доставляли некоторые продукты, почту и приборы.

Итак, за сто шесть лет полета на борту «Антея» сменилось сто экипажей.

Правда, с каждым годом связь с кораблем становилась все труднее. К этому были готовы, и это даже предусматривалось при создании корабля.

Ведь хотя гравитационные волны распространяются бесконечно, потребление энергии с расстоянием растет.

Наука продолжала развиваться, появились новые источники энергии, и возможности Земли также увеличивались. Правда, приходилось ради экономии энергии и припасов на борту «Антея» постоянно уменьшать экипаж, и к тому дню, когда курсант Слава Павлыш попал на «Антею», там оставалось лишь тридцать человек. К звезде долетит и того меньше. Очевидно, окончательное число членов экспедиции окажется немногим более десяти. И среди них уже не будет курсантов. «Антею» же суждено кончить свои дни на орбите у далекой планеты. Постепенно, если там образуется человеческая колония, его разберут, использовав на постройки.

За сто с лишним лет путешествия «Антей» стал частью земной истории. Павлыш, еще находясь на Земле, знал и о кошках, которые расплодились в пустых складах, и о заброшенной библиотеке, и о бассейне с голубой водой. Он тысячу раз видел корабль в фильмах и изучал его на специальных занятиях, как делали это и его учителя, и учителя его учителей, которые работали на «Анtee».

Но все его обитатели в конце концов возвращались домой. Как моряки из дальнего, но не бесконечно дальнего плавания. Кроме тех, кто умер или погиб в пути. Их было немного, шесть человек.

6

Очевидно, зал телепортации, если из него вытащить всю начинку, был бы грандиозен. Но за последние сто лет никто не видел его стен.

Кабины на Земле были куда скромнее – в конце концов, всегда можно было вызвать ремонтников. Здесь же все системы были дублированы и передублированы, и запас надежности был в несколько раз выше теоретического. В сущности, этот центр был главной причиной существования «Антея».

Павлыш легко прошел сквозь путаницу коридорчиков, проложенных между молчащих,

но живых машин. Улицы и закоулки этого зала были известны Павлышу наизусть: ночью разбуди, вели проверить 50-й блок – с закрытыми глазами найдет дорогу.

Ясно почему: в институте стоит тренажер – точная копия и в таком точно зале. Тренажеру столько же лет, сколько оригиналу.

Студенту положено знать тренажер как свои пять пальцев. Если повезет, то он увидит когда-нибудь кабины «Антея».

Помимо долга, отличное знание студентами этого дремучего зала объяснялось иной традицией: зал был самым укромным местом в институте, его лесом, его парком, его лабиринтом. И никому не сосчитать, сколько судеб было изменено, погублено или спасено в его полутемных закоулках, сколько здесь произошло решительных объяснений, душевных разговоров, случайных встреч, драматических расставаний. Да и сам Павлыш всего месяц назад услышал решительное «нет» в тесном отсеке между блоком 8-Е и макетом энергонакопителя. После этого Павлыш прогулял два дня несмотря на то, что решалась его судьба – лететь или не лететь. Когда вернулся, выслушал справедливый выговор декана, и в наказание все воскресенье пылесосил зал. Декан, сам бывший антеевец (тридцать лет назад он провел на нем